

Старик Лао Чжао увидел, что Шэнь Лан выглядит вполне знающим человеком, и очень обрадовался. Широко улыбнувшись, он произнес:

— Если брату нравится, эта ножны с ножом — твои. Балоу, сходи поищи для брата Шэня хорошие ножны.

Получив так легко нож даром, Шэнь Лан невольно почувствовал себя польщенным. Балоу протянул сбоку ножны и помог Шэнь Лану убрать боевой нож. Балоу был пареньком лет двадцати с небольшим, но он лишь молча наклонил голову, проверяя, подходит ли размер ножны для Шэнь Лана. Это был застенчивый парень.

— Тот малый Четырехглазый как раз зовет тебя, — сказал Старик Лао Чжао.

И действительно, заметив, что Четырехглазый машет ему рукой с тренировочной площадки, Шэнь Лан спрятал нож, поблагодарил Старика Лао Чжао и Балоу и быстро направился к нему. Четырехглазый должен был проводить Шэнь Лана за оружием. Вместе с ним они прошли к оружейному складу, расположенному сбоку от трибун. Склад представлял собой несколько объединенных и переоборудованных раздевалок для спортсменов, а заведовал им Старый Дракон Яда.

— Старший брат Дракон Яда, это новый вчерашний брат по имени Шэнь Лан, глава велел мне привести его подобрать подходящее оружие.

Старый Дракон Яда прищурил свой единственный оставшийся глаз, с минуту оглядывал Шэнь Лана, а затем повернулся и отпер дверь оружейной. Шэнь Лан и Четырехглазый вплотную последовали за ним. Оружейная площадью примерно в двести-триста квадратных метров была разделена на несколько зон. Самой большой по площади была комната для боеприпасов, за ней следовала оружейная зона. Проследовав за Старым Драконом Яда к оружейной зоне, они увидели, что стены сплошь увешаны разнообразным стрелковым оружием времен Первой и Второй мировых войн из самых разных стран: от американского Спрингфилда 1903 года времен Первой мировой до британского Ли-Энфилда и до самого привычного японского Арисака Тип 38.

Четырехглазый то и дело трогал то одно, то другое, схватил какую-то винтовку и с ухмылкой прицелился в Шэнь Лана, за что получил затрещину от Старого Дракона Яда по голове.

— Еще раз направишь ствол на человека — сверну башку.

Четырехглазый потер затылок и с виноватой улыбкой вернул оружие на место.

Шэнь Лан во все глаза уставился на самый классический послевоенный советский автомат Калашникова — АК-47. В компьютерных играх это оружие подарило Шэнь Лану бесчисленные часы прекрасного времени, и он мог узнать его едва ли не по одному звуку, но в реальности сталкивался с ним так близко впервые. Воронение ствола было потертым и пестрым, оружие

выглядело очень старым, магазин в нескольких местах был помятым и покрытым впадинами, напоминая ветерана бесчисленных сражений, который все еще сохранил былой боевой дух.

Старый Дракон Яда проскрипел голосом, похожим на рванный мех для раздувания огня:

— Какое железо парень раньше в руках держал, есть что-то особо привычное?

— Пару раз пользовался, да только помню ли я модели, ничего особенно привычного нет.

Шэнь Лан попросту умолчал о том, что пользовался охотничьим ружьем — сказала типичная гордыня. Ткнув пальцем в сторону АК, он заявил:

— Мне вот это.

Старый Дракон Яда даже не взглянул на палец Шэнь Лана, направился прямым в самый дальний угол стеллажей и снял с нижней полки немецкий карабин Маузер 98К и три пехотные гранаты — стандартное снаряжение времен Второй мировой.

— Вот тебе сто патронов, расходуй экономно.

Шэнь Лан с унылым видом принял Маузер и гранаты, чувствуя себя немного разочарованным.

Хотя заполучить заветный АК не удалось, стоило Шэнь Лану выйти из оружейной, как он мгновенно сменил уныние на возбуждение: в конце концов, впервые в жизни у него появилось собственное настоящее огнестрельное оружие. Он и не думал, что одна из детских мечт осуществится здесь так легко, пусть даже железо в его руках было ровесником его деда.

Шэнь Лан вовсе не был незнаком с карабином Маузер 98К: стандартное немецкое производство воплощало в себе квинтэссенцию почти всего немецкого оружия — точная механика, строгие стандарты, низкий процент осечек, высокая точность. Это был лучший выбор среди винтовок Второй мировой войны, который одно время даже использовали в качестве снайперского оружия, а в свое время он был любимцем Гитлера.

Шэнь Лан под лучами солнца бережно смахнул пыль с оружейного ствола, ощущая налет времени, хранящийся в металле. Он гадал, сможет ли этот гордый избранник полей сражений Второй мировой войны продолжить свое былое величие, когда целями вместо людей станут те самые инородные монстры, о которых говорил Четырехглазый.

— Неплохо, умеешь обращаться?

Когда они проходили мимо тренировочной площадки, Шэнь Лана окликнул Ху Кэ, а Четырехглазый с гримасами и ужимками убежал обратно в ряды тренирующихся.

Шэнь Лан как раз и сам хотел показать себя: в видеоиграх он сталкивался с бесчисленными видами оружия, и пуль, выпущенных им с помощью мыши, было едва ли меньше, чем съеденного риса. И хотя Маузер в их число не входил, «чувство оружия» никуда не делось. Если же заглянуть еще на десяток с лишним лет назад, он и вовсе был известным на всю округу мастером охоты на птиц, а хорошая стрельба всегда зарабатывается тоннами сожженных патронов.

Ловко дослав патрон в патронник, Шэнь Лан вспомнил, что карабин Маузер 98К использует патроны калибра 7,92 мм, а емкость его магазина составляет всего 5 патронов.

— М-м, техника вроде неплохая.

Мимо тренировочной площадки на расстоянии более двухсот метров стояло несколько человеческих мишеней, и Ху Кэ небрежно указала на одну из них.

Немецкое производство действительно отличалось надежным качеством: пусть это и был антиквариат, в обращении он оказался весьма надежен. Шэнь Лан чувствовал себя вполне уверенно. Уперев приклад в плечевую впадину в наиболее удобное положение и легко положив палец на спусковой крючок, он прикинул расстояние — около двухсот с лишним метров — и выставил прицельную планку на двойку. Дул легкий верочек. Три мишени стояли в ряд, и Шэнь Лан прицелился в грудь крайней правой.

У всех на виду — нужно было непременно постараться, мысленно приказал себе Шэнь Лан. Грянул выстрел, и мощная отдача отбросила Шэнь Лана назад, а лицо запорошило поднятой со ствола пылью, что вызвало дружный хохот вокруг. Мимо цели. Отдача у Маузера оказалась куда сильнее, чем у охотничьего ружья, судя по всему, требовалось время на привыкание.

Опозориться перед такой толпой народа, да еще и в присутствии красавицы, — Шэнь Лану стало немного неловко.

— Разве те монстры не неуязвимы для любого оружия, неужели эта штука способна их убить?
— заговорил Шэнь Лан, пытаясь сменить тему и отвлечься.

— Да, если бить по нужным местам.

Лаконичность была неизменной чертой Ху Кэ, причем казалось, что ее мало волнует, удалось ли ей полностью донести свою мысль.

— И какие места ты называешь нужными?

— Любые, кроме неправильных.

— С ума сойти... Как тебя вообще наняли на эту работу?

...

— А мишени-то сделаны неплохо, выглядят совсем как живые, — продолжал искать темы Шэнь Лан.

Впрочем, его внимание действительно привлекли мишени. Эта мишень была сплошь усеяна дырами от пуль, но изготовлена донельзя реалистично: у нее были не только туловище и голова, но также руки и ноги — точь-в-точь как у настоящего человека. Или, вернее сказать, это и был человек!

Шэнь Лан остолбенел и невольно шагнул вперед к испещренной пулевыми отверстиями мишени. Шэнь Лан всегда был уверен в своем зрителю: пусть на расстоянии в двести-триста метров нельзя было разглядеть все до мельчайших деталей, но составить общее представление не составляло труда. Пройдя полпути, Шэнь Лан уже уловил запах трупного смрада и смог окончательно убедиться: перед ним не искусственная мишень, а труп. Не человеческий труп, но до боли похожий на человеческий.

Шэнь Лан, преодолевая трупный смрад, приблизился к телу и принялся его рассматривать. У трупа была человеческая голова, туловище и конечности, но при ближайшем рассмотрении обнаруживались отличия. Подойдя вплотную, Шэнь Лан наконец разглядел чудовище — существо чудовище. Уродливая голова, глубокие глазницы: хотя жизнь уже покинула его, все еще можно было представить свирепый и хищный взгляд при жизни. Огромный рот, выступающие челюсти, торчащие острые клыки, способные без труда разорвать тело жертвы. Нос и уши угадывались лишь смутно, заметно деградировав по сравнению с человеческими. Верхние конечности оканчивались человекоподобными ладонями, но вдвое крупнее, причем тыльная сторона пальцев походила на стальные полосы треугольного сечения с явными зазубринками, источая взрывную силу. Стопы имели схожую форму, а пальцы на ногах достигали половины длины пальцев рук.

У него не было человеческой кожи, всё тело покрывал глубокий черный цвет, напоминающий обугленную плоть, а рельеф мощных мышц открыто выступал наружу. Жизненно важные участки тела были затянuty подобием панцирной броневой оболочки, выросшей прямо из костей скелета. Грудная клетка, живот, спина, бедра и лицо — все ключевые зоны защищал толстый слой кальцинированной костной пластины; на подбородок спускался короткий нарост, идеально защищавший шею, причем его заостренная форма вполне могла послужить оружием для нападения на жертву. Эта костяная броня выглядела чрезвычайно прочной: подавляющее большинство пуль, попавших в нее, просто рикошетили, оставляя лишь обугленные полосы или неглубокие выбоины, а на земле валялись деформированные свинцовые сердечники или застрявшие в щелях брони пули. Смертельные повреждения монстру удавалось нанести лишь тем выстрелам, которые обходили всю броню и, пробив глазное яблоко насквозь, проникали в мозг.

Две соседние мишени представляли собой такие же трупы монстров: после бесчисленных попаданий пуль у некоторых из них были переломаны конечности, но в целом они сохранили цельность.

Так вот о каких монстрах говорил Четырехглазый? Они воюют именно с этими отвратительными людоедами! Неужели это действительно тот самый город, который он так хорошо знал? Шэнь Лан чувствовал, что все происходящее лишено всякой реальности.

Месяц пролетел незаметно, и погода начала холодать. Племя Грозовой Птицы некогда было одним из крупнейших в этом городе: на пике своего расцвета оно насчитывало свыше трехсот участников, а война с инородцами не прекращалась здесь с самого момента его основания. Позже, с появлением сверхсильного инородца по имени Гуй Ли, хрупкое равновесие сил между людьми и тварями наконец рухнуло, и численность людей покатила по наклонной. Желая сосредоточить силы и сократить линию обороны, Племя Грозовой Птицы пришлось оставить множество территорий, оставив за собой лишь главную базу, опирающуюся на этот старый стадион. То, что племя дожило до сегодняшнего дня, — главная заслуга этой превращенной в неприступную военную крепость арены; укрепления других племен, построенные на базе любых иных зданий, давно канули в Лету.

Месяц такой жизни подарил Шэнь Лану ощущение второго рождения. И пусть здешняя среда сильно отличалась от привычной ему прежней обстановки, здесь по крайней мере оставались свежий воздух, лазурное небо, приятное солнце и, конечно же, чертовы двухразовые приемы пищи. В племени действовал режим двухразового питания: первое дело по утреннему подъему — муштрова и бег, и лишь после пробежки следовал утренний паек. Утренний прием пищи обычно состоял из миски жидкой каши, куска сухой лепешки или пресного хлеба вприкуску с порцией вяленого мяса; на ужин давали миску жидкой каши, жареное на огне мясо добычи и маленькую чашечку крепкого алкоголя, поставляемого из подземной базы со времен пробуждения Шэнь Лана. Удастся ли наесться досыта, зависело от добычи охотников в текущий день, но в подавляющем большинстве случаев насытиться досыта не представлялось возможным.

Еды здесь не хватало. Раньше за пределами лагеря было расчищено немало пахотных земель, за обработку которых отвечали женщины племени. Однако после появления Гуй Ли вести земледелие за оградой лагеря стало невозможно. Пришлось обустроить небольшой участок под сельскохозяйственные культуры в самом углу базы, но этот лоскуток земли был лишь каплей в море для всего лагеря.

Вторым главным источником пропитания была добыча ежедневных охотничьих отрядов. Как правило, если не случалось сильного ухудшения погоды, каждое утро из лагеря отправлялись на промысел шесть отрядов по пять человек — или, как это называлось, на дежурство. С тех пор как месяц назад Ху Фэн потребовал усилить патрулирование и оборону, количество ежедневных охотничьих команд сократилось на одну, превратившись в пять отрядов по шесть человек в каждом.

Охота являлась главным источником пищи для племени и одновременно лучшим местом для закалки новичков. Участники охоты получали в тот день дополнительный паек — еще пару кусков вяленого мяса, а также увеличенный боекомплект. Поскольку запасы патронов у племени были ограничены, а пополнение затруднено, стандартный боезапас каждого охотника в сумме с дополнительным пайком выдавался весьма скудный. Патроны требовалось беречь, и по правилам при отсутствии прямой угрозы их старались экономить. По этой причине радиус охоты не простирался далеко, а группы старались обходить стороной стайных хищников, выслеживая лишь мелкую живность. Стоило ли говорить, что оказаться окруженным стаей

хищников при ограниченном запасе патронов — удовольствие ниже среднего, ведь здешние звери по численности и свирепости несопоставимы с эпохой Шэнь Лана.

Обычно отряды возвращались один за другим незадолго до ужина. Добыча состояла преимущественно из безобидных кроликов, крыс, бородавочников, антилоп и оленей, а при удачном стечении обстоятельств удавалось подстрелить крупных хищников вроде леопардов или медведей. Женщины и дети зачищали и зажаривали добычу на огне, причем часть мяса вялили и закладывали на хранение впрок на зиму, когда охота скуднела, а шкуры шли на изготовление одежды и теплых пледов, спасающих от холода.

Несколько месяцев полумрака в базе, похожих на погребение заживо, привели к тому, что физическая форма Шэнь Лана стремительно покатила вниз. Прямым следствием этого стало то, что ежедневные тренировки давались ему из рук вон плохо: выполнив лишь половину положенной другим нагрузки, он валился с ног, уставший как изгнанная собака. За это он неизменно подвергался разносам Ху Кэ, а тумаки и пинки от нее стали обычным делом, хотя по-настоящему калечить его, к счастью, не пытались. Стоит признать, силища у этой девицы была отменной: прикинув про себя, Шэнь Лану оставалось признать, что даже десяток таких, как он, вместе взятых превратили бы в инвалида за считанные минуты.

Зато стрелковое мастерство Шэнь Лана прогрессировало стремительно: за пару месяцев он уже научился уверенно поражать неподвижные мишени на дистанции более трехсот метров и справляться с отдачей при непрерывной скоростной стрельбе.

В этот день Шэнь Лан наконец дождался своего первого выхода на охоту в составе команды.

Охотничьи отряды формировались по шесть человек, а командовал ими громила по кличке Лысый. Из одежды на Лысом были лишь штаны, сшитые из шкуры дикого кабана. В то время как Шэнь Лан уже кутался в меховой полушубок, спасаясь от холода, Лысый щеголял не только лысой головой, но и обнаженным торсом, демонстрируя тело, иссеченное рельефными шрамами. Мужская привлекательность здесь прямо пропорционально зависела от объема мышц и количества шрамов. У Шэнь Лана тоже хватало отметин, но те были получены от пыток и являлись символом позора, несопоставимым со шрамами Лысого, и если поставить их рядом для сравнения, Шэнь Лан выглядел не иначе как изнеженный альфонс.

Любимым оружием Лысого был автомат АК-47, в чем их взгляды с Шэнь Ланом совпадали: причина крылась в том, что АК обладал высокой скорострельностью, что доставляло истинное удовольствие. Однако патроны здесь были самым дефицитным и драгоценным ресурсом, чем, вероятно, и объяснялось решение Старого Дракона Яда выдать Шэнь Лану не автомат, а Маузер. На обычных тренировках суточная норма расхода патронов на человека составляла всего пять штук, чего для АК-47 не хватало даже на один магазин, и это обстоятельство угнетало Лысого сильнее всего. Зато на охоте винтовкам выделяли по сто патронов, а штурмовым винтовкам вроде АК-47 — аж по двести, поэтому Лысый неизменно оказывался в числе тех не многих, кто неустанно рвался на промысел.

Кроме того, в отряде состояли три брата из семьи Старика Лао Чжао, которых кузнец подобрал свыше десятка лет назад в заброшенном высотном доме. Когда Лао Чжао повстречал троицу,

их мать уже умерла от голода на лестничной площадке, а отец бесследно исчез. Старший из братьев едва умел ходить и промышлял поисками обедков на девятом этаже, за что Лао Чжао прозвал его Чжао Цзюлоу. Второй умел лишь ползать и карабкался по лестнице с восьмого на девятый этаж, отчаянно вцепившись в ледяную грудь матери и пытаясь добыть молока, из-за чего получил прозвище Чжао Балюу-и-Половина. Третий сидел в углу на восьмом этаже — он не умел ни ходить, ни ползать, а только истошно заливался слезами, поэтому его называли Чжао Балюу. В этом мире женщины были дефицитным товаром; Старик Лао Чжао от природы обладал простоватым лицом, нравом отличался бесхитростным, говорить толком не умел, да и кроме кузнечного дела ничего не ведал, так что о женитьбе нечего было и думать, а уж собственных детей у него тем более не водилось. Вот он и вырастил троих сирот как родных сыновей. Телосложение у братьев Чжао выдалось на редкость субтильным — поговаривали, что из-за того, что в детстве им приходилось питаться мусором и недоедать. Старшему из них, Чжао Цзюлоу, едва стукнуло двадцать пять, и он исполнял обязанности заместителя командира этого охотничьего рейда.

Помимо трех братьев, в отряде числился паренек по прозвищу Дуршлаг. Ему едва исполнилось семнадцать-восемь лет, он был на редкость сообразительным и обаятельным, а его большие глаза постоянно лукаво сверкали — родись он в эпоху Шэнь Лана, скольких бы юных дев он лишил покоя. Несмотря на юный возраст, Дуршлаг уже считался опытным охотником со стажем в два года. По правде говоря, наименее опытным среди всех был как раз Шэнь Лан: в свои тридцать лет он плелся позади кучки молодняка. Впрочем, Шэнь Лан впервые отправлялся на настоящую охоту с боевым оружием, а потому испытывал сильнейшее воодушевление и ни капли не смущался своего положения.

Каждому охотничьему отряду полагалась ракетница — в случае опасности они могли подать сигнал бедствия лагерю.

Поскольку в лагерях действовал строгий запрет на любые беспричинные вылазки наружу, этот выход стал для Шэнь Лана первой возможностью покинуть пределы стадиона. Раньше он мог лишь всматриваться вдали с трибун, а теперь наконец-то смог пройти собственными ногами, заново измеряя этот совершенно новый мир. Шэнь Лан был необычайно взволнован.

Вся процессия двинулась вперед по разрушенной бетонной дороге, которую Лысый и остальные исходили вдоль и поперек, прекрасно зная каждый поворот. Бесчисленные сорняки упорно пробивали бетон, вырываясь наружу и буйно разрастаясь навстречу ветру. В памяти Шэнь Лана в том некогда бетонно-стальном городе зелени почти не наблюдалось, теперь же вокруг простиралось сплошное буйство жизни. Повсюду на земле, на стенах зданий и крышах бешено разрастались дикие травы и кустарники, даже заброшенные автомобили поросли зеленью, а на некоторых участках уже поднялись густые леса. Человечеству потребовались тысячи лет, чтобы отвоевать эту землю у природы, а матушке-природе хватило каких-то жалких нескольких десятилетий, чтобы вернуть свое.

Поскольку кузница братьев Чжао находилась по соседству с жильем Шэнь Лана, он частенько заходил к ним поглядеть на боевые ножи, кинжалы и разнообразные ловушки, а порой и помогал по хозяйству, так что с братьями он сошелся очень близко. Шэнь Лан шагал следом за ними, без конца засыпая их вопросами, словно ребенок, впервые отправившийся в дальний путь со взрослыми.

На охоте главную роль играли не ружья с патронами, а установка ловушек: боеприпасы здесь являлись ценным невосполнимым ресурсом, тогда как капканы можно было использовать повторно. Шестеро спутников шли вперед, проверяя ловушки, оставленные вчерашней командой, и одновременно расставляя новые. Места установки ловушек помечались заметными знаками, чтобы завтрашний отряд мог без труда их обнаружить.

Улов выдался на редкость удачным: к полудню команда уже разжилась небольшим диким кабаном и несколькими зайцами — все они накануне вечером угодили в лапы несчастливых обладателей капканов. Большинство из них бились всю ночь, растеряли силы и теперь пластом лежали на земле; у дикого кабана передняя лапа была переломана капканом и держалась лишь на лоскуте кожи. К моменту, когда люди отыскиали его, остатки дикой мощи иссякли, и зверь лишь тяжело оседал на землю, часто поводя боками.

Лысый напевал себе под нос какую-то напрочь лишенную слуха и улетевшую за сотни километров самодельную песенку, пребывая в отменном расположении духа. Разобравшись с кабаном, отряд вышел к просторной площади. По ее периметру было раскинуто множество капканов, и возле одного из них валялся окровавленный обрубок животной лапы. Похоже, какой-то зверь, угодив в капкан, в отчаянии отгрыз собственную лапу и сбежал: принцип «отрубить руку, чтобы спасти тело» был свойственен не только людям.

Лысый поднял обрубок, внимательно его осмотрел — кровь была еще свежей — и, мазнув пальцем, отправил его в рот:

— Еще теплый, взрослый леопард, часа два назад. Далеко не уйдет, преследуем.

Леопард относился к числу крупных хищников, отличаясь высокой скоростью и свирепостью; со взрослыми особями без крайней нужды предпочитали не связываться. Инструменты, выкованные в кузнице Лао Чжао, отличались простотой, и крупные звери попадались в такие примитивные капканы крайне редко. Подавляющее большинство добычи охотников составляла мелочь, а крупные хищники падали в их сумки считанные разы — последней добычей такого рода стала секач-медведь, да и то полмесяца назад. Видя, что сегодня им улыбнулась удача, члены отряда не желали упускать столь ценный подарок судьбы, и Лысый немедленно бросился в погоню.

Кровавый след тянулся весьма отчетливо, и вся шестерка двинулась по нему следом.

<http://bllate.org/book/21118/2142783>